

ХИЛЬ ДЕ БРУК

ИТАН

16+

Хиль де Брук Итан

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67668305

SelfPub; 2022

Аннотация

Научно-исследовательская станция вращается вокруг спутника газообразной планеты далеко за пределами Солнечной системы. Экипаж, Джулай Лоусен и Хорхе Гонсалес, выращивают сельскохозяйственные культуры на внеземном грунте, просматривают сообщения с Земли и спорят на первый урожай. Рутине приходит конец, когда Гонсалес начинает испытывать провалы памяти. Вместо ответов Лоусен находит воображаемого друга из детства. Что это? Безумие или близкий контакт? На что пойдет Лоусен, чтобы вернуться домой, к дочери, которая ее ждет?

Хиль де Брук

Итан

Если долго всматриваться в бездну, бездна начнет всматриваться в тебя. (с) Ф.Ницше

Слышали ли вы когда-нибудь, как звучит Земля?

Даже сейчас, находясь на расстоянии многих световых лет от сине-зеленого шара, который люди вправе называть своим домом, этот звук я не спутаю ни с чем другим. Наша научно-исследовательская станция вращается вокруг спутника огромной газообразной планеты Нербус 5. Она непригодна для жизни, как и оставшиеся четыре планеты системы Нербус, магнитные бури и грозы, высокое давление, отсутствие атмосферы и самой земли, под которой люди обычно понимают твердь под ногами, делают их бесполезными для цели ряда экспедиций «Деметра». Звезда этой системы, желтый карлик, больше Солнца в два с половиной раза, испускает слабые, частые вспышки. Но спутник, названный NT6510011, стал именно тем, что было нужно людям.

Первые полученные роботами замеры сообщали о высоком уровне углерода и азота в атмосфере, соотношение процента кислорода – ноль целых – две десятые, что недостаточно для человеческих легких. Новость будоражила умы! Найдена первая планета, на которой возможна жизнь. Экипаж

«Деметры 1» отправившийся в космос для первых исследований на полностью автоматизированном корабле класса ЦБ02, состоял из двух человек – Хорхе Гонсалеса, капитана и руководителя проекта, а так же бортмеханика, на случай, если автоматика по каким-то причинам выйдет из строя. И меня, Джулай Лоусен. Помимо обязанностей ведущего ботаника и медсестры на мне лежала еще дюжина мелких поручений капитана.

Мы были совершенно одни на снабжающей нас пищей и кислородом станции, раз за разом облетавшей по своей орбите спутник НТ6510011.

Спутник, из иллюминаторов станции выглядевший как серо-коричневый шар, испещренный кратерами и цепочками горных хребтов, выделяющимися на фоне равнин язвками вулканов, был больше Земли, но вращался куда медленнее и один его оборот вокруг своей оси усредненно равнялся трем суткам. Связь с Хьюстоном поддерживалась автоматическим передатчиком, сети которого опутывали весь корпус станции. Фактически, вся его поверхность, металлическая обшивка корабля, была огромным передатчиком.

Каждое утро я проводила замеры показателей собственного организма, затем обязательную процедуру под моим контролем проходил Гонсалес, подшучивая надо мной, но не сопротивляясь предписанию. Покончив с этим, отправлялась в теплицу, как мы называли отсек №6. Там в ни-

шах вдоль стен и на перегородках, разделявших отсек на пять одинаковых прямоугольных проходов, тянулись к искусственным источникам освещения первые всходы растений.

Пока на Земле ученые бились над созданием терраморфирующего устройства, я и Гонсалес выращивали первые космические овощи.

В теплице поддерживалась приемлемая температура. Прежде чем войти в него, я одевала скафандр и проходила через шлюз, потому что воздух в отсеке был слишком разреженным для человека, а грунт на одну пятую состоял из доставленных роботами пробных партий. Это была почва со спутника.

Я проводила в теплице, работая со всходами и взрыхляя грунт с осторожностью сапера и грациозностью слона, делая все необходимые замеры и пробы грунта, изучая листья и стебли на жизнеспособность, четыре часа, затем возвращалась через шлюз, снимала скафандр, принимала пищу в компании с капитаном. В это же время мы проверяли почву, надеясь получить письма и видеосообщения с Земли. Больше всего ждали вестей от родных. В Нью-Йорке остался мой муж Хансен и дочурка Эмили, совсем большая. На момент, когда стартовала экспедиция «Деметра 1», ей исполнилось восемь. Четыре месяца в космосе. И еще двадцать три луны на орбите спутника. Мы называли здешние сутки лунами, потому что они и были лунными сутками, только луна эта

была для нас чужой.

На звезде, которую ученые мужи окрестили без особой фантазии Нербус 0, вспышки и магнитные бури были таким же обычным делом, как и на Солнце. Во время этих вспышек связь с Землей прерывалась, но как только они утихали, все вновь приходило в норму. Центр управления полетами в Хьюстоне не нашел в этом повода для беспокойства, однако отдал распоряжение связываться с Землей сразу после выхода из «слепой зоны».

Гонсалес, проводя эксперименты с очередной порцией грунта со спутника, жаловался на головные боли, но осмотр не показывал никаких отклонений. Его давление было в норме. Как и мое. Ничего необычного в своем состоянии я не находила, зато на вспышки Нербуса реагировали растения. Интенсивность и скорость их роста после таких вспышек увеличивалась в три раза, потом – очередная стабильная фаза роста до нового выброса со стороны светила. Этот факт интересовал меня и как ученого, и как человека, который мечтает о возможных колониях на новых планетах.

Однажды, производя полив грунта, я заметила, что под зелеными стеблями моркови, окрепшими и пышными, появились завязи будущих корнеплодов. Чтобы убедиться в том, что мне не показалось, пришлось отключить систему водоснабжения и вернуть шланг в гнездо. Да-да, ввиду экономии жидкости и ради безопасности теплицы, я поливала расте-

ния старым дедовским методом, разве что шланг выходил из стены – соседний отсек № 5 включал в себя водохранилище, регулируемое бортовым компьютером. Он поддерживал уровень воды на верхней отметке, и если ее потреблялось больше, чем планировалось, корабль-станция вырабатывал недостающее количество посредством математических расчетов и химических реакций. Баки заполнялись по крайнюю черту.

Глаза не обманывали. Морковь готовилась дать первые плоды, опередив картофель, томаты и тыкву.

Я сделала контрольный замер, записала показатели на встроенный в эластичный рукав скафандра диктофон и, сделав снимок, покинула теплицу.

– Гонсалес! С тебя двадцатка, морковь первая в номинации блюда дня! – не скрывая радости, сообщила я, как только очутилась в рубке.

Гонсалес, одетый в свободный, не сковывающий движения нижний комбинезон, ездил на стуле от одного монитора к другому. По экранам бежали длинные вереницы цифр, мужчина стучал по сенсорным клавишам так, будто стремился разбить вдребезги панель управления. Услыхав меня, он бросил через плечо:

– Сколько?

– Третью дюйма.

Скафандр и крепившийся к нему объемный шлем я сняла

между первым и вторым шлюзами и теперь, как и Гонсалес, была в одном легком комбинезоне.

– Маловато, – скептически заметил он. – У брюквы еще есть все шансы обогнать ее после новой вспышки.

Чтобы не сойти с ума от рутинных занятий, мы читали почту, отправляли родным видео из «Деметры», играли в шахматы, напоминая скорее пластиковых роботов, потому что использование дерева на корабле было запрещено, и делали ставки на овощи.

Брюква, за которую болел Гонсалес, дала пышные листья, но плод завязываться не спешил.

– Я верю в нее, Лоусен. Вот увидишь, – теперь он, наконец, оставил мониторы в покое и озарил меня белозубой улыбкой.

– Если мои расчеты верны, а я допускаю небольшую погрешность, еще одна вспышка увеличит темп роста плода в ноль целых семь десятых, тогда как у твоей брюквы весь рост идет только в листья, – не задумываясь, сказала я. – Ты проиграешь.

Под нами вращался мрачный спутник НТ5610011, на который раз в три луна запускались автоматизированные роботы класса МЛ6. В их задачу входила съемка местности, проба грунта участков на заданном друг от друга расстоянии и возвращение на «Деметру» в целости и с герметичными контейнерами, полными безжизненной земли.

Мы были первыми фермерами в космосе.

Уже здесь, на станции Гонсалес смешивал ее с дерном и песком, который мы привезли в грузовом отсеке с Земли, перегноем, в который при определенных условиях превратилась заготовленная органика за время полета, и снова проводил контрольные замеры и пробы. Он пересыпал получаемую смесь в контейнеры побольше, погружал в нее семена и клубни и помогал перенести их в теплицу. Попадая туда, будущие растения проходили обычный жизненный цикл в необычных для них условиях. Гонсалес с удовольствием посещал отсек № 6, чтобы поставить галочку в своем ежедневном отчете, а так же чтобы сделать очередную ставку на то, какой из овощей быстрее попадет на наш стол.

Первым на кратковременную потерю памяти начал жаловаться капитан. Он обнаруживал себя в других отсеках станции, но не понимал, как там оказался. Его давление и психическое состояние были в норме, анализы крови и энцефалограмма не показывали никаких отклонений. Шел двадцать пятый лун нашего пребывания на орбите спутника.

В один из лунов я нашла в теплице перевернутый ящик. В ней был высажен редис, который усердно гнался в росте за морковью, но, несмотря на скороспелость выбранного сорта, все равно отставал. Листья оказались смяты и переломаны, однако я не отчаивалась – сообщив Гонсалесу о происшествии, заново засадила ящик и вернула его на место.

– Большую часть растений удалось спасти, их повреждения не столь критичны, – обмолвилась я за ужином, надеясь, что вскоре на смену питательным желейным наборам придут первые плоды нашей общей работы.

– Угу, – кивнул Гонсалес и шумно втянул свою порцию, сложив губы, будто ел спагетти. – У меня сегодня отличное настроение. Как насчет партии в шахматы?

Я подозревала, что к случившемуся мог приложить руку капитан. Неосознанно. Но поднимать эту тему мне не хотелось, тем более после проделанной практически заново работы. К тому же он больше не жаловался на провалы в памяти и головные боли, а его физическое состояние было в норме.

– Ты ходишь черными, – сказала я.

Вспышки на Нербусе происходили с необъяснимой периодичностью – от двух до пяти выбросов за лун, при том просчитать, сколько именно их будет сегодня, не было никакой возможности. Когда Гонсалесу казалось, что он нашел подходящий алгоритм расчета, чужое светило будто знало об этом и выдавало совершенно иной результат.

На исходе двадцать шестого луна по дороге к своей каюте я заметила подозрительное пятно. Оно натекло из-под криокамеры – небольшой герметичной ниши, предназначенной для хранения внеземной органики и транспортировки на Землю для дальнейшего изучения. Хоть все полученные

удаленно данные о НТ5610011 утверждали, что на спутнике нет ни малейшего намека на жизнь, какой ее представляют люди, ученые не теряли надежду и оборудовали «Деметру» специальным «холодильником». Я поймала это пятно краем глаза, уже отдалившись от коридора с криокамерой, организм требовал несколько часов сна, потому сообщила Гонсалесу о возможной поломке и с чистой совестью отправилась отдыхать.

Ничего даже отдаленно похожего на пятно в том месте на следующий лун я не нашла. Гонсалес, полностью поглощенный расчетами перед мониторами, отмахнулся.

– Ты устала, славно поработала на грядках, вот и померещилось, – говорил он, шутливо называя ящики с рассадой, выставленные в ниши и перегородки, грядками. – Когда ты ушла спать, детка Нербус разродилась еще одной вспышкой. Эта длилась четыре минуты тридцать секунд, – он присвистнул и откинул голову на спинку стула, покатываясь на колесиках. – Самая длинная за время нашего пребывания!

– Их длительность продолжает расти, но частота остается в пределах пяти, – задумчиво произнесла я, пытаюсь сообразить, чем это может нам грозить, если останемся на орбите дольше, чем было запланировано. – Передал показания?

– Сразу же по выходу из «слепой зоны», – сказал он и тут же сменил тему. – У тебя два личных сообщения. Письмо из Центра продублировано на оба адреса, там ничего полезного только прогноз погоды на Нербус 5. Кажется, по его эква-

тору движется адский торнадо размером с Северную Америку, но пока мы на темной стороне спутника, нам ничего не угрожает.

– Электромагнитные волны?

– НТ будет прикрывать нас собой, пока торнадо не удалится, так что не стоит волноваться, но все необходимые меры предосторожности я уже принял. Шоколадные сопли?

Капитан в его привычной манере протянул мне герметичный пакет с шоколадным муссом, который на самом деле был похож на сопли, но вкус у него не так плох, особенно с учетом того, что шоколад мы не видели долгие месяцы.

– Есть карта с его маршрутом? – спросила я, выдавив в рот порцию мусса.

– А как же, со всеми остановками по местам следования, – усмехнулся Гонсалес.

– Хорошо, – кивнула я и отправилась читать сообщения из дома вместе с шоколадными соплями.

Шесть месяцев, три недели и пять дней прошло с того момента, как «Деметра», которой предстояло стать нашим домом на время путешествия к спутнику и дрейфования вокруг него, покинула околоземную орбиту. Именно столько я не видела Хансена и Эмили, пропуская самые важные вещи в жизни подрастающей девочки. Ее первую победу на конкурсе парных танцев в школе. Ее первого понравившегося мальчика из старших классов. Ее первые наложенные

швы в окружной больнице. На малышку набросилась бездомная собака, которую она хотела покормить. Эмили, наверное, слишком резко дернула рукой, спровоцировав зверя на агрессию. Хансен до последнего скрывал это от меня, оберегая от потрясений, и получил серьезную трепку, но я больше винила себя. За то, что не могла быть с ней рядом.

Улыбчивая рыженькая девчушка на экране, копия – Хансен, сжимала плюшевого медведя и отвлекалась на снующего позади папу.

– А еще Дженни пригласила меня на День Благодарения, она говорит, что так как их бабуля никто больше индейку не приготовит. Что ее бабуля – лучший готовщик индеек на свете. А папа говорит, что не отпустит меня никуда одну, и это нечестно, – Эмили насупилась, но тут перед камерой возник сам папочка.

– Привет, дорогая, – он уместился на свободной части дивана, приобняв нашу дочку, и помахал в камеру рукой. – Я не собираюсь отпускать нашу принцессу к незнакомым людям, пусть даже эта Дженни – сущий ангел в школьной форме. Надежды на то, что я сумею испечь индейку и не спалить весь дом, нет никакой, – он поцеловал Эмили в щеку, та завертелась юлой, будто ее собирались пытать, и хохоча одновременно.

– Ну пааап!

– Отправимся в гости вдвоем, а потом я запишу тебе подробный отчет, может даже удастся выпытать рецепт у этой

чудесной бабули. Мы тебя любим и очень скучаем.

Хансен и Эмили отправили по воздушному поцелую, вразнобой, и муж отключил запись.

Я скучала по их лицам, по теплу их тел. Удивительно, как сильно человек может зависеть от тактильных ощущений, и понимание этого приходит не сразу, а лишь когда ты долгое время лишен таких простых вещей. Как бы мне хотелось обнять малышку, стиснуть крепко-крепко и долго не отпускать, заплетать ей косы, борясь с ее рывками удрать и играть с куклами. Как бы хотелось прижаться к мужу, целовать его, не говоря уже о близости, которой я была лишена добровольно ради возможности сделать открытие века.

Мои отношения с Гонсалесом нельзя было назвать натянутыми, мы были командой, отлаженным механизмом, благодаря которому достигались поставленные цели, и все наше общение ограничивалось похлопыванием по плечу или задорным «дай пять».

Я еще долго смотрела на погасший экран, прежде чем покинула кресло, успевшее принять мое тепло. Хорхе Гонсалес все еще колдовал над расчетами.

– Я все равно раскушу этот чертов орех, – бормотал он себе под нос, и я решила, что капитан снова пытается воссоздать математический прогноз интенсивности и частоты вспышек на Нербусе.

Мы называли это «прощупать пульс» Энте. В комнате от-

дыха существовала ниша, расположившись на которой можно наблюдать за далекими звездами и спутником. Светило и планета появлялись в зоне обзора, но куда реже, к тому же и у меня, и у Гонсалеса свободного времени было не так много, несмотря на полную автономность станции.

Работы хватало с запасом, но когда мы уставали от просмотра надоевших фильмов или прослушивания коллекции любимой музыки, то приходили сюда.

Лежа на животе и водрузив на голову наушники, я смотрела на чужие звезды и думала о доме. Встроенное в обшивку корабля устройство позволяло преобразовывать электромагнитные волны находившегося под нами объекта в привычный человеческому уху звук и передавало его через наушники. Энтэ звучал иначе, чем Земля. Медленней, размереннее, менее мелодично, но его звуки завораживали не меньше, и я находила «прощупывание пульса» неплохой альтернативой возможности поваляться под звездами на зеленом лугу.

Ящики с грунтом, на этот раз те, что мы с Гонсалесом перенесли пару лунов назад, снова оказались перевернуты.

Маленькие луковицы, у которых не было времени проклюнуться, лежали среди комьев земли. Большая часть растоптана, кое-что уцелело, чудом закатившись в полое пространство под нишей. Мне пришлось собирать их, возвращать грунт в контейнер и убирать грязь. След от скафандра на еще влажной почве – единственное, что могло доказать

причастность Гонсалеса к погрому – я машинально смела и только потом пожалела об этом.

Все еще ругая себя и капитана, я закончила с наведением порядка. Четыре камеры, установленные над потолком, позволяли наблюдать за ростом растений в реальном времени, но не вели записей.

Вернувшись в центр управления, я запрограммировала все камеры отсека № 6 на запись. Подумав, применила те же настройки и к остальным камерам корабля и только после этого отправилась на поиски Гонсалеса.

Шел двадцать девятый лун.

Передачик капитана не отвечал. Я снова и снова подносила запястье, на которое крепилось устройство передатчика, ко рту, вызывая Хорхе на связь, но не слышала в ответ ничего, кроме тишины. Его не было в рубке, обеденная зона и комната отдыха пустовали. В каюте Гонсалеса меня тоже ждало одно разочарование.

Обычно он запирал свое личное пространство, это было в его манере. Несмотря на доверительные отношения, Гонсалес, выросший в неблагополучном районе мексиканского городишка, предпочитал запираť все двери, даже если на расстоянии многих световых лет единственным его соседом была я. А у меня не было привычки входить без стука или копать в чужих вещах во время его отсутствия. Он это знал, но дверь все равно закрывал на магнитный ключ.

Какие-то доли секунды я просто стояла перед распахнутой дверью, обозревая одновременно часть коридора и каюту Гонсалеса. Что-то неприятное, неожиданный холодок тревоги поселился в груди. Для того, чтобы сделать шаг внутрь, мне пришлось в буквальном смысле бороться с собой. Больше всего на свете я боялась, что найду капитана мертвым. Что он, все это время скрывая от меня симптомы прогрессирующей болезни, впал в безумие и покончил с собой.

Его личные покои оказались пустыми. Кровать заправлена, ноутбук с огромной коллекцией «спагетти-вестернов», которые он обожал, – на столе, сменная одежда и белье – в выдвижных стенных ящиках. Я поймала себя на мысли, что открываю их один за другим, но не могла остановиться, даже когда перешла на кровать. Я переворачивала подушки и шарилась под простынями из синтетического материала, не способного загореться.

– Гонсалес, ответь, прошу тебя! Я в твоей каюте, ищу тебя по всему кораблю! Гонсалес, ответь!

Тишина.

– Я переворачиваю твои вещи, Хорхе Гонсалес!

Ничего кроме тишины, в которой слишком гулко стучит мое сердце. Теперь я слышу его слишком отчетливо, а еще свое учащенное дыхание.

Я совершенно точно помню, что проводила предписанный инструкциями осмотр капитана утром и все показатели были в норме. Общее состояние, давление, вес и рост. Здо-

ровый как бык для своих тридцати восьми лет мужчина выглядел точно так же как и несколько лунов назад. Черт побери, даже его волосы ни на сантиметр не отросли, как будто капитан следил и за этим.

Он был совершенно адекватен, не выявляя ни малейших симптомов психического расстройства. И его исчезновение ставило меня в тупик, как и перевернутые ящики с грунтом.

Я вернулась к камерам и какое-то время просидела там, почти без движения, кликая сенсорной мышкой. Менялись только виды на экране. Все тридцать две камеры, установленные на «Деметре», были в моем полном распоряжении, в теплице ничего не изменилось с моего посещения, однако отыскать пропавшего капитана мне так и не удалось. Прокручивая одну за другой камеры по третьему разу, я с шумом выдохнула и направилась на самостоятельные поиски.

Меньше всего мне хотелось оказаться лицом к лицу со спятившим Гонсалесом безоружной, и я позаимствовала из его же набора «первой помощи Большому брату» разводной ключ, усовершенствованный и сделанный из особо прочного сплава для работы в космосе. В нем сложно было не заметить родства с земным собратом, и я надеялась с его помощью успокоить капитана, если возникнет необходимость.

Лучше бы она не возникла.

Отмечая на схеме корабля пройденный путь и продол-

жая поиски, я пыталась понять, что могло произойти. Единственно верным, хоть и лишенным доказательств объяснением могли быть вспышки на Нербусе. Я предполагала, что они каким-то образом способны воздействовать на мозговую активность человека, вызывая приступы агрессии и нервного расстройства.

Мы провели на орбите двадцать пять лунов, прежде чем Гонсалес пожаловался на недомогание, которое к моему удивлению не было подтверждено осмотром. Я подозревала, что погромы в теплице напрямую связаны с его провалами в памяти, во время которых он оказывался не там, где был прежде. Какая-то часть его воспоминаний, где он был и что делал, просто исчезала, и это вызывало беспокойство. И у меня тоже. Я с ужасом вспомнила, как начинала полив растений, и вдруг оказывалось, что земля выглядит как после сильного ливня, но не придавала этому большого значения. Я не перемещалась в пространстве, как Гонсалес, а потом он перестал жаловаться и наша работа вернулась к прежней размеренной рутине.

Очередной отсек корабля на карте помечен красным маркером и я иду дальше.

Вспышки на Нербусе, вот что не давало мне покоя. Их интенсивность и частота. Достаточно слабые, но временно гасившие связь с Землей. Капитан говорил, что их длительность растет, продолжительность последней – почти четыре с половиной минуты. Если причина его безумия в них, то

какова вероятность, что я вскоре не начну вести себя странным образом?

Нас готовили к стрессовым ситуациям на корабле. Это был не первый мой полет, и не первая длительная экспедиция. Разве что она была длиннее предыдущих. Двигаясь по коридору к пищеблоку, я восстанавливала размеренное дыхание и старалась прорисовать в голове план дальнейших действий.

До прибытия экипажа «Деметра 2», который должен был сменить нас с Гонсалесом на посту, оставалось одиннадцать лунов. Полностью автоматизированная станция продолжит вырабатывать кислород и воду, избавляться от избытка углекислого газа, а так же собирать показания атмосферы и служить теплицей для первой партии космических овощей. Она будет двигаться по однажды взятой орбите, даже не заметив потери одного члена экипажа. Все, что потребуется от меня, это доложить Центру о возникшей ситуации и продолжать свою работу.

Поставив крест на пищеблоке, я продолжила путь, с каждым новым шагом теряя надежду отыскать Гонсалеса.

В детстве у меня был воображаемый друг. О нем знали только мои родители. Несмотря на то, что процент истерии среди молодых американских пар, едва они слышали о подобных фокусах от деток, был неприлично высок и мамыши тут же кидались к частным психологам, чтобы решить про-

блему, мои придерживались старых взглядов.

Когда мне было лет шесть, я гуляла в городском парке. Там были детские карусели с маленькими, под стать малыш-не, пони, раскрашенные всеми цветами радуги, и река. У берега иногда собирались утки, их подкармливали все, кому не лень. Я играла с мячиком неподалеку, а моя мама отвлеклась на болтовню с подругой, когда это случилось. Секунду назад мяч был у меня в руках, и вот он лежит на воде, отдаляясь вместе с течением. Я росла спокойным ребенком и вместо того, чтобы захлебнуться в громком реве, продолжала смотреть, как его уносит. Горячие слезы катились ручьями, лицо наверное было красное и перекошенное.

Первым, что я увидела, это ноги. Обычные ноги в черных джинсах и ботинках на толстой подошве прошли прямо по воде. Молодой светловолосый парень с короткой стрижкой играючи подхватил мой мячик и, сев передо мной на корточки, протянул его. Он был весь в черном, на пальто – ряд металлических булавок, голубые глаза густо обведены черным карандашом. «Как у панды» – подумала я тогда, и, кажется, улыбнулась.

– Все будет хорошо, – сказал он, улыбаясь. – Бог умер, но все будет хорошо, – и погладил меня по голове.

Я больше никогда не встречала его настоящего, но улыбка моего спасителя и теплый взгляд голубых глаз, смотрящих на меня с любовью грустного пса, отпечатался в памяти. И позднее, когда я оказывалась в трудной ситуации, мое под-

сознание выдавало его образ.

Настоящего имени я не знала, но он сказал, что я могу называть его Итан.

И сейчас Итан стоял передо мной.

Он ничуть не изменился. На вид – неполные двадцать, длинное черное пальто, растрепанная шапка светлых волос, короткие ногти с облупленным черным лаком. Итан подбрасывал в руке что-то круглое. Нет, не мячик. Это было зеленое яблоко.

Я встала как вкопанная и судорожно втянула воздух ртом.
– Тебя не может здесь быть, ты плод моего воображения.

Это началось. Что бы ни происходило с Гонсалесом, прежде чем он пропал, я больше не могла доверять тому, что вижу. Появление выдуманного друга детства, о котором я забыла уже к средней школе, на «Деметре» – это зрительная галлюцинация.

– Я так давно тебя не видел, – произнес он, сжав яблоко в ладони.

Итан с интересом разглядывал меня, продолжая робко улыбаться уголками губ. Я смотрела на него, проиграв разумному желанию идти дальше.

– Ты так изменилась, – продолжал он. – Так странно видеть тебя такую... – он приблизился ко мне, ничуть не изменившийся, юный и восторженный, замялся, подбирая подходящее слово.

– Старую?

Я была в прекрасной форме, тренажеры и усиленная подготовка к космическим перегрузкам, правильное питание, если можно назвать правильным жидкое мясо и фруктовые муссы, давали свой результат, но мне тридцать шесть и вокруг глаз уже пролегли мимические морщинки.

– Красивую. Невероятную.

Я замерла, боясь пошевелиться. Итан склонился ко мне так близко, что я могла ощущать запах сигарет, которыми пропахла его одежда и волосы вперемешку с дешевым одеколоном. Он легонько провел пальцами по моей щеке, всем своим видом излучая обожание и заботу. Меня словно током ударило! Я отшатнулась, выронила карту, маркер покотился по полу с гулким звуком.

– Ты ненастоящий! Тебя здесь нет!

– Что ты такое говоришь? – развел руками Итан. – Я же твой друг, Итан, помнишь? Мы ходили на пикник в тихое местечко под мостом. Ты рассаживала там кукол, а иногда, если они плохо себя вели, пускала их ко дну с камнем на шее. Я дул на твои коленки, когда ты падала с велосипеда. Как ты могла забыть, Джули?

Я старалась не смотреть. Схватила за голову, считая про себя. Джули... Я никому не позволяла звать себя сокращенным именем со средней школы, даже Хансен звал меня Джулай.

– Ты галлюцинация! Мы на космической станции в

нескольких десятках световых лет от Земли!

– Разве это причина, по которой мы не можем проводить время как раньше? Я скучал по тебе, Джули...

– Ты никогда не существовал, я тебя выдумала, потому что была одинока, и мне нужен был друг.

Прошло тридцать лет, настоящему парню из парка, что спас мой мячик, сейчас должно быть не меньше пятидесяти, но Итана, который со мной говорил, время не коснулось.

– Разве сейчас это не так?

– Мы в космосе, ты моя галлюцинация, – отрезала я и добавила, уже сама себе. – Я должна найти Гонсалеса, – и собиралась двинуться дальше.

– Не уходи! – Итан перегородил собой путь.

Я машинально завела руку за пояс, где на карабине висел разводной ключ.

– Мы так давно не виделись, а ты даже не хочешь меня обнять.

Разумом я понимала, что на его месте должна быть пустота, но мое обоняние и зрение говорили об обратном. Итан выглядел расстроенным, опечаленным. Он взял меня за плечи и осторожно притянул к себе, а я только затаила дыхание, оказавшись в его объятиях. Он был не намного выше меня, однако ботинки на высокой платформе увеличивали его рост. Итан просто прижал меня к себе, отгородив пропахшим сигаретами и туалетной водой пальто от остального мира. Он гладил мои волосы, словно успокаивал. Я боялась

шелохнуться, с ужасом понимая, что чувствую биение второго сердца. И от того, что мне хотелось обнять его в ответ.

– Ш-ш-ш, все будет хорошо, – шептал он, щекоча дыханием мое ухо. – Бог умер, но все будет хорошо. Ты же не думала, что я брошу тебя здесь одну?

– Гонсалес, – пробормотала я неуверенно.

Итан гладил меня по волосам и спине, а я сжимала кулаки, борясь с пугающим меня не меньше возникшего выдуманного друга желанием. Карта и маркер валялись на полу. Я лихорадочно пыталась найти ответ, не в силах разобраться, что же с нами происходит. Гонсалес вел себя как обычно, ничто не предвещало его срыва. Что если его уже нет в живых? Я отказывалась верить в подобный исход, капитан был не из тех, кто предпочел бы самовольный уход из жизни, он нес ответственность за наши жизни и научный проект, который должен был в буквальном смысле принести свои плоды.

Ты же не думала, что я брошу тебя здесь одну.

Темное пятно под криокамерой, которое я заметила на двадцать пятый лун.

Тотчас меня охватил панический страх, я отшатнулась от Итана, отбросила его от себя и выхватила разводной ключ. Сейчас он был единственным, что нас разделяло и что придавало мне сил.

– Кто ты такой?! – закричала я, чувствуя, как тут же потеют руки, а ключ становится тяжелым и скользким.

– Джули, я Итан, твой друг.

– Нет, это неправда. Ты... – слова застревали в горле, я боялась поверить, боялась произнести вслух. – Что ты сделал с Гонсалесом? Ты убил его?!

– Что? Не-ет, – Итан держал руки поднятыми и качал головой, будто не понимал, в чем я его обвиняю. – Ты ведь хорошо знаешь меня, я никогда тебе не лгал. Даже если бы и хотел солгать, но клянусь, я и пальцем никого не тронул.

Я кинулась вперед по коридору, к той его части, где находилась криокамера. Сердце грозило выпрыгнуть из грудной клетки, ключ я не выпускала, а Итан, судя по шлепанью ботинок, бежал за мной следом. Мы оказались у криокамеры почти одновременно. Я набрала воздуха в грудь, взялась за ручку. К тому, что меня там ожидало, не хватило бы никакого времени подготовиться.

И потянула ручку на себя, открывая криокамеру, как, должно быть, открывала дверцу духовки бабушка Гренни, когда готовила индейку. Клубы белого дыма заволокли обзор, прежде чем мне открылось то, что там находилось.

Капитан «Деметры 1» Хорхе Антонио Гонсалес уже покрылся коркой льда. В небольшой камере, в то же время достаточно просторной для того, чтобы уместить мертвое животное или разумное существо, он был страшно изогнут, как будто вывернут в некоторых местах разом.

Едва сдерживая крик, я захлопнула дверцу. На глаза навернулись слезы, в горле запершило. Итан, увидавший все через мою спину, вцепился в плечи, я что-то закричала и от-

бросила его от себя. Кажется, попыталась ударить ключом, но мои попытки не увенчались успехом. Очень скоро Итан отобрал его, а я бессильно сползла по стенке. Мозг отказывался воспринимать происходящее. Я осталась одна. Ни единой живой души на корабле и только мое прогрессирующее сумасшествие.

Светловолосый парень из детства теперь сидел рядом, оперевшись о ту же стену. Он больше ничего не говорил, ведь все уже было сказано.

Ни единой живой души на много световых лет вокруг. И что страшнее всего – я убила Гонсалеса.

Он перенес меня в каюту. Поднял на руки так, будто я не весила ничего, а потом, не говоря ни слова, так же легко опустил на постель. Сел на край, и я снова увидела в его руках яблоко, которое он, наверное, успел спрятать в карман пальто.

Итан какое-то время вертел его, натирая рукавом и без того блестящий бок, прежде чем протянул мне.

– Хочешь?

Я уставилась на зеленый плод, думая, как тяжело переживет утрату жена Гонсалеса. У них две чудные дочки, сам Гонсалес часто показывал мне видеописьма от близняшек и красавицы Лусии. Капитан гордился ими, разве что научными достижениями он гордился чуточку больше.

– Не бойся, это всего лишь яблоко, – улыбнулся Итан, по

своему истолковав смятение на моем лице. – Прости, я всегда такой рассеянный. Нужно было прихватить бутылочку вина или может чего покрепче, – он виновато пожал плечами. – Молочный коктейль все еще твой любимый?

– Со вкусом клубники, – я улыбнулась в ответ и взяла яблоко.

Оно помещалось в ладонь и было твердым на ощупь, я сжала пальцы, но лишь услышала слабый хруст. Как настоящее. Итан с интересом наблюдал, будто ждал от меня какой-то реакции. Яблоко оказалось кислым на вкус и тут же вызвало обильное слюноотделение, челюсти, привыкшие к желеобразной пище, будто заново учились жевать. Я прилагала усилия, кривилась от кислоты во рту, но продолжала есть.

С каким же трепетом я представляла, как попробую первую выращенную в космосе морковь.

– Вкусно?

Кивнула в ответ и где-то под ребрами свернулась комком боль потери. Я скривилась, но уже не из-за яблока, а оттого, что старалась не расплакаться. Мне нужно держаться, я должна довести начатое до конца, передать «Деметру» другому экипажу и отправиться домой. К моей семье.

Прежде всего надо связаться с Центром и доложить о чрезвычайной ситуации, по возвращению домой меня отправят в бессрочный отпуск с обязательным посещением государственного психолога, в худшем случае выдвинут обвине-

ние в непредумышленном убийстве капитана. Тогда – длительный срок в лечебнице для психически больных преступников. Тюрьма мне не светит, ведь напротив сидит мой вообразаемый друг.

– Ты не должна винить себя в случившемся, – произнес он.

– Почему? – я подняла на него глаза, полные слез. – Почему я это сделала?

Кто еще мог ответить на этот вопрос, как не Итан?

– Может быть, он не оставил тебе выбора? – предположил парень, пожимая плечами. – Я не знаю, Джули. Мне очень хочется облегчить твою боль, но я не знаю как.

Тело била нервная дрожь. Итан укрыл меня одеялом, которое закрывало лишь треть постели, и забрался под него сам. Прижал меня в себе и уложил голову мне на плечо, как часто делал в детстве, когда я чего-то боялась. Лгали не только мои глаза, все чувства разом твердили, что он настоящий. Осязаемый, теплый... я ощущала его дыхание на своей груди и боялась шевельнуться.

Так и сидела с надкушенным яблоком в одной руке, а другую держа на спине Итана.

– Ты не можешь быть настоящим...

– Почему?

– Потому что я схожу с ума, Итан. Маленькая пугливая девочка давно выросла, полетела в космос и оказалась в ситуации, которую мой разум пытается заблокировать, чтобы

меня защитить. И поэтому он создал тебя, – бормотала я, излагая свою теорию, но на самом деле не была уверена ни в чем.

– Я здесь, потому что нужен тебе, я хочу тебя защитить, – Итан поднял голову, уставившись на меня добрыми голубыми глазами, густо обведенными размазанным черным карандашом.

Как у панды.

Меня все еще била дрожь, я хотела укрыться от всего мира одеялом, непростительная роскошь для состоявшейся женщины, чьи свершения должны были войти в историю и положить начало новой эры для человечества. Хотела немедленно отправить сообщение в Центр и дожидаться их вердикта, через силу ухаживая за растениями. Ведь кто-то должен это делать.

Но меня вдруг безотчетно и иррационально потянуло к этому юнцу, восторженному и близкому. Тепло его молодого тела, сильная рука, сжимающая мою талию, мое безумное желание спрятаться от проблем за чьей-то спиной. Хотя бы на краткий миг позволить себе быть женщиной, а не ученым – все это нахлынуло лавиной, и вскоре мы целовались, стаскивая с себя одежду и разбрасывая ее, куда придется. Я на ощупь расстегивала его ремень, а Итан целовал мою грудь, и на какое-то время я позволила себе забыться.

Я никогда не изменяла мужу. За десять лет совместной

жизни мне встречались разные мужчины, которые были не прочь разбавить моим обществом свою интимную историю, но я вежливо сводила их интерес к нулю. О Хансене я не могла сказать того же с полной уверенностью. Он был хорошим человеком, любил дочку и меня и старательно скрывал свои мимолетные интрижки на стороне. При том, что мне приходилось много времени проводить в полетах, такой расклад устраивал нас обоих. Моя жизнь очень скоро превратилась в погоню за новыми открытиями, я жила в вечных поисках, старательно игнорирую пролегшую между нами пропасть, и единственным, что находилось между, была наша дочь Эмили.

Задерживаясь взглядом на линии бедра Итана, я думала о том, как это должно было быть нелепо. Мы занимались любовью, словно вокруг больше ничего и никого не существовало. Он делал все, чего я хотела, будто угадывая... нет, зная наперед все мои предпочтения.

Мне нужно было как-то пережить одиннадцать лун, не скатившись в абсолютное безумие, в котором я подозревала Гонсалеса. Он уже мертв, ему не помочь, но мне еще нужно добраться домой, увидеть дочку и крепко обнять, сказать ей, что все будет хорошо. Только это все еще держало меня на плаву. И если не создавать внутренний конфликт, отрицая собственные галлюцинации, а научиться с ними сосуществовать, это могло меня спасти.

Итан мог меня спасти.

– Забыл сигареты, – с досадой сообщил он, прошарив карманы джинсов.

– Здесь нельзя курить.

– Плевать.

Итан улыбнулся и прижал меня как хрупкого подростка к себе.

Сообщение в Центр, включающее в себя известие о гибели капитана Гонсалеса и моем нестабильном состоянии, было отправлено полчаса назад. Я просмотрела свою почту и почту Гонсалеса. Ничего кроме обновленной карты движения гигантского торнадо на Нербус 5 там не нашлось. Угроза миновала и чудо неприветливой к людям планеты пошло на спад, а значит, дополнительные расчеты не потребуются. Писем из дома не было, должно быть там сейчас в самом разгаре День Благодарения, а это значит, что у меня еще есть по меньшей части одни земные сутки, чтобы подготовиться к решению Центра. Все высокопоставленные лица в этот момент, наверное, подоткнув за воротник салфетку, разрезают жирную индейку в кругу семьи и благодарят бога.

Меня осенило проверить бортовой журнал, записи в котором вел Гонсалес. Я надеялась найти ответы на мучившие меня вопросы, но как того и следовало ожидать, записи обрывались на двадцать четвертом луне. Капитан делал записи дважды в лун, утром и вечером, изредка, если было что-то чрезвычайно важное, делал дополнительные заметки. А это

означало, что утром двадцать пятого его уже не было в живых.

Стараясь выбросить гнетущие мысли из головы, я принялась просматривать вчерашние записи камер. В теплице все было спокойно, никаких погромов на этот раз. Несколько десятков ракурсов, в том числе и те, по которым я вчера бродила в поисках капитана. Дрожащей рукой я перемотала запись из коридора, где впервые встретила Итана.

Не знаю, что надеялась там увидеть, камера, чуть отклоненная в сторону, зафиксировала лишь то, как он вышел из неохваченного ею пространства. Ни его полного отсутствия, ни мистической материализации из воздуха я не увидела. Мои органы чувств лгут, я вижу лишь то, что хочу, пусть даже это запись с камер. Мой мозг считает, что Итан там был, и он подсовывает картинку, где Итан действительно есть.

Поддавшись любопытству, я перешла на запись из моей каюты, и там меня ожидало то же разочарование. Я застыла перед монитором, выискивая что-то, какую-то неприметную деталь, которая должна была помочь мне с ответами. Но видела только наши переплетенные тела, разбросанную одежду и закатившееся под прикроватный стол-тумбу яблоко.

Над моей головой раздался неприятный повторяющийся писк. Это сработал датчик, определявший, что в скором времени Нербус 0 выстрелит в нашу сторону очередной вспышкой. Вероятно она будет длиться дольше четырех с половиной минут и темп роста растений после нее ускорится в два-

три раза.

Страх сковал меня липкими щупальцами, когда в голове появилась новая теория, способная объяснить происходящее на «Деметре». Что если виноваты не вспышки Нербуса, а инопланетный вирус, который мы могли занести на корабль вместе с грунтом? Что-то, что не обнаружила техника, поселившись в нас с Гонсалесом, могло не вызывать никаких симптомов длительное время. У всех болезней есть свой инкубационный период, некоторые не проявляют себя месяцами. Что если во мне, подавляя мой ясный разум и волю, развивается вирус, с которым люди еще не умеют бороться?

Карантин – это слово звучало как приговор.

Экспедиция «Деметры 2» уже в пути. Когда мы легли на орбиту НТ5610011, их корабль, целью которого было довести вторую смену и вернуть домой первую, уже бороздил просторы космоса, на сверхмощных скоростях сокращая расстояние.

При малейшем намеке на иноземную инфекцию или вирус меня изолируют до конца полета на Землю. Я никогда не увижу дочь.

Итан нашелся там же, где я его и оставила. Он что-то мастерил, подогнув под себя одну ногу. Надел майку и джинсы. И наверняка успел выспаться.

– Как ты думаешь, я могла подхватить здесь какую-нибудь болезнь? – спросила, едва вошла.

– Болезнь? – поднял голову Итан.

Я разглядела на его руке мой носок. Парень рисовал на нем красным маркером глаза и рот. Маппет-шоу на краю вселенной. От этой мысли я невесело усмехнулась и опустилась рядом.

– Что если я вижу тебя, потому что эта болезнь воздействует на клетки мозга и заставляет меня делать...

– Ты все еще не веришь, что я настоящий, – Итан потупил взор, всем своим видом показывая, как он огорчен, но тут же писклявым голосом заговорил мой разрисованный носок. – Джули не хочет верить, что я настоящий. Что же мне сделать? Как заставить ее поверить?

Он засмеялся, приобняв меня за плечи, и мне не оставалось ничего кроме как сдаться, выдавив из себя нелегкую улыбку.

– Ты не больна и не сходишь с ума, – прошептал мне на ухо воображаемый друг детства.

Для убедительности кивнул носком на руке.

– Видишь? Он тоже так считает.

Семь последующих лунов я проводила наблюдение за растениями, взрыхляла и увлажняла почву, исключая возможные негативные для их состояния факторы. Сообщение от Центра, пришедшее к середине того же луна, поразило меня своей сухостью. Джейсон Финнеган, возглавлявший управление экспедицией «Деметра» с Земли, сообщил, что мне

следует придерживаться предписанных протоколов и дожидаться прибытия команды «Деметра 2». Он так же сказал, что выражает глубочайшее соболезнование по поводу утраты уважаемого страной гражданина, и просил не оглашать случившееся в связи с нежелательными последствиями, которые могут бросить тень и поставить под угрозу всю целесообразность проекта. То есть мне прямым текстом запретили сообщать о смерти Гонсалеса кому бы то ни было. Для моей семьи он все еще был жив и продолжал возглавлять нашу научно-исследовательскую экспедицию. Не сомневаюсь, что люди Финнегана вышли на связь с Лусией, предупредив ее о том же. Я была уверена, что его жена начнет паниковать и звонить во все инстанции, если ее Хорхе не выйдет на связь. Писем от нее больше не приходило, что лишь подтверждало мои соображения.

Хансен говорил, как он скучает и ждет, когда я наконец-то вернусь домой. Обещал устроить по этому поводу большой праздник, на который соберет всех наших близких друзей, даже семейку чокнутых, но весьма милых Краучей. На другом послании он наперебой с Эми рассказывал, как прошел День Благодарения в семье ее одноклассницы. Я включала видео на повтор, кусая губы и глотая соленые слезы, и больше всего на свете боялась не вернуться. Пыталась записать ответ, но каждый раз нажимала на удаление, потому что мой вид вызвал бы у них очень много вопросов, а я не хотела, не могла на них отвечать.

Однажды я заметила синяк на запястье. Итан сжал его слишком сильно, когда мы занимались любовью. Эта мелочь, такая незначительная, совсем выпала у меня из головы. Я застыла, изумленно глядя на синеватый отпечаток пальца. Это не укладывалось в моем понимании. Есть какие-то вещи, которые отпечатываются в нашей памяти и воображении как фотоснимки. А есть те, на которые не обращаешь внимания, пока не утыкаешься носом. Вроде неловкого удара о крайешек стола, о котором ты наверняка забудешь к концу дня и, лишь ложась спать, обнаружишь на месте удара ссадину. И, скорее всего, даже не вспомнишь, откуда она появилась.

Вспышки на Нербусе повторялись с той же непостоянной периодичностью. От двух до пяти за лун, иногда они длились не больше минуты, иногда растягивались, превышая поставленную Гонсалесом верхнюю точку. Самая длинная была зафиксирована на тридцатый лун и составила пять минут восемь секунд. Провалы в памяти прекратились, но Итан не собирался никуда исчезать и подбадривал меня, когда чувствовал, что я на грани срыва.

На двадцать седьмой лун мы ели первую выращенную в отсеке № 6 морковь. Первые плоды ели сырыми, смыв с них землю и даже не очистив кожуру. Вторую порцию отправили на термообработку, и после пробовали уже тушеные овощи. Брюква, на которую ставил Гонсалес, потихоньку набирала вес в корне.

Итан радовался как ребенок, когда я брала его в теплицу, с интересом разглядывал окрепшие растения, трогал завязи и изумлялся запахам, которые от них исходят. Больше всего ему нравился запах помидоров. Он не надевал скафандра, я же не беспокоилась о том, что галлюцинация может умереть от дефицита кислорода в крови.

Я проводила замеры давления, рост оставался без изменения, показания веса незначительно выросли. Причиной могла быть стрессовая ситуация, в которой организм пытался накопить запасы на случай гипотетического форс-мажора, потому я не придавала этому большого значения. Анализа крови я по-прежнему избегала, поступая иррационально, необоснованно, к тому же нарушая предписания, по которым это было необходимым ритуалом каждого луна. Удушающий, панический страх охватывал меня каждый раз, когда я брала в руки инструменты, находясь в мед-отсеке.

Могла ли я спровоцировать всплеск безумия, узнав, что несу в себе неизвестный науке вирус? Пока у меня выходило держать его под контролем, если конечно можно было так выразиться, но не было никакой гарантии, что так будет и дальше.

Центр справлялся о моем состоянии и проекте в целом. Результаты роста растений их радовали, моя стабильная шизофрения вряд ли. Они считали меня бомбой замедленного действия, которая могла сработать в любой момент. Я это

чувствовала. Чувствовал и Итан, следуя за мной в рубку для переговоров, наблюдая за тем, как холодно излагают факты люди, управлявшие экспедицией. В том, что меня уже списали со счетов, не было никаких сомнений, но я продолжала надеяться.

Я просто хотела увидеть дочь.

Моя карьера, череда допросов и анализов, через которые меня пропустят, когда я ступлю на Землю, а может даже раньше, когда окажусь на корабле по дороге домой, меня уже не волновали. Все, чего я могла желать, где-то там просило у папы мороженное и новую игрушку, а может рассказывало подругам о понравившемся мальчике. Мое маленькое рыжее сокровище.

Чем меньше лунов оставалось до прибытия «Персея», тем больше я нервничала. Роняла инструменты или обрызгивала скафандр водой, когда поливала растения. Итан сводил все к шутке, но мне было не до смеха. Со дня на день должна была решиться моя дальнейшая судьба, и у меня тряслись поджилки от ожидания неизвестного. Я непроизвольно уходила в себя, пропуская его слова мимо ушей, это не могло не сказаться на абсурдных отношениях, завязавшихся между нами. Что сказал бы Фрейд, узнав о том, что я сплю с воображаемым другом из детства?

Точно так же как я закрывалась от него, Итан отдалялся от меня, стараясь лишний раз не дергать по пустякам. Он мог

часами наблюдать за тем, как я произвожу расчеты, которые прежде вел Гонсалес, или занимаюсь на тренажерах, поддерживая свое тело в форме, и не проронить ни слова. Улыбчивый парень с глазами панды превращался в хмурого мизантропа, который с большой неохотой выбирался из своей раковины, чтобы поговорить со мной или заняться сексом. Последнее тоже стало происходить между нами намного реже.

Если бы я могла разглядеть изменения в его поведении, то, уверена, стала бы вымаливать прощение, потому что это было слишком похоже на реальность. И я готова была сделать что угодно, лишь бы вернуть все на место, создать иллюзию равновесия. Выдуманные друзья и любовники не страдают от недостатка внимания. На это способны только люди. Но подобная мысль повергла бы меня в шок, ведь это означало принять тот факт, что Итан не плод моего воспаленного мозга.

В назначенный день мое напряжение только возросло. Я занималась рутинной работой, находясь как на иголках. Центр передал последнее сообщение, в котором говорилось, что «Персей» пересек внешнюю границу системы Нербус и движется к спутнику NT5610011.

На борту космического корабля должны были прибыть двое сменщиков, на чьих именах я не заостряла внимания, врач, обладавший куда большей квалификацией, и непосредственно команда «Персея», состоявшая из пяти человек.

Закончив с делами, я пыталась отвлечься, «слушая пульс» спутника. Преображенные в звук электро-магнитные колебания помогли мне успокоиться. Их тональность изменилась, но я заметила это не сразу, а когда поняла, что именно несет в себе звук, в ужасе отбросила наушники.

НТ5610011 повторял звучание земной орбиты.

Длинный энтейский день подходил к концу. Я наблюдала невероятный закат Нербуса и боролась со сном, ожидая прибытия корабля с минуты на минуту.

Вот сейчас.

Сработает звуковой сигнал, бортовой корабль сперва зафиксирует появление другого корабля на радаре, затем предупредит о начале стыковки. Когда стыковка будет завершена, он так же известит об этом, но я уже буду ждать их у шлюза, потому что мне не хватит сил дожидаться.

Я поглядывала на часы, скорректированные на луны. Итан наблюдал за мной, устроившись в кресле напротив.

Время шло. Я не заметила, как уснула.

– Не понимаю. Почему их до сих пор нет? – говорила я, пытаюсь связаться с Центром.

Ни помощники Финнегана, ни он сам не отвечали. Последнее сообщение, полученное с Земли, говорило о том, что «Персей» вошел в систему Нербус.

Я смутно вспоминала жуткий сон, в котором корабль от-

стыковался от «Деметры» и отправился в открытый космос без меня.

Нажимала на вызов снова и снова. Тишина. Как будто пронизывающие корпус волокна перестали транслировать мой сигнал.

– Ты же не думаешь, что вспышки Нербуса могли повредить передатчик? – бросила обеспокоенный взгляд на Итана.

Он промолчал, только пожал плечами, изучая маленький еще зеленый плод помидора.

– Они не могли сорвать операцию. «Персей» должен был вчера состыковаться со станцией с погрешностью в два-два с половиной часа в зависимости от активности звезды и ее влияния на нейтринный двигатель, – говорила я, плюнув на попытки связаться через главную систему связи.

На корабле имелся и другой передатчик. Это была старая модель, практически не используемая в космическом судоходстве, но разработчики, в том числе и мой муж Хансен, настаивали на необходимости альтернативного устройства связи на случай, если новейшая техника по непредвиденным причинам, например при критическом повреждении корпуса выйдет из строя.

Бегом добираясь до узла связи, скрытого на уровне груди в обшивке коридора, я благодарила их за предусмотрительность и молилась о том, чтобы он работал.

Итан остался в рубке.

Наконец, оказавшись перед нишей, я выдернула крышку,

скрывающую передатчик от глаз и одновременно создающий гладкий дизайн стен коридора, и едва не вскрикнула.

Передатчик был вырван из гнезда. Он так и остался висеть на зеленых и синих проводках, будто повешенный на петле. Чтобы его починить потребуется немалая сноровка и опыт, которого у меня нет.

– Черт бы тебя побрал, Итан! – закричала я, заламывая руки.

– Зачем ты это сделал?! – накинулась я на него, едва оказалась в рубке.

Итан глядел на меня так, будто впервые слышал.

– Я не смогу связаться с Центром! Корабль, который должен был меня отсюда забрать, не прилетел и черт знает, где он сейчас находится!

– Джули, тебе нужно успокоиться. Ты не в себе, это может быть опасно, – произнес он тоном заботливой мамыши.

– Я уже давно не в себе! Я безумна, разве это не заметно?!

– Хочешь воды? Или брюкву? – на его лице крупными буквами читалось волнение.

Я налетела на Итана как ураган, вряд ли контролируя свои порывы. Пыталась молотить по нему кулаками, не жалея сил и выкрикивая, что ненавижу его и все, что между нами было. Что мне стыдно и неприятно, ведь он всего лишь моя выдумка. Я вела себя как самая обыкновенная женщина, загнанная в угол и находящаяся на грани истерики – что-то

сбрасывала со стола, едва не зашвырнула в монитор пустым контейнером из-под образцов почвы.

Итан пытался удержать меня от еще больших разрушений. Он крепко держал запястья, на которых наверняка появятся новые синяки, и прижимал меня в себе. Я вырывалась, билась его ногами, которые ничто не связывало, пока мы оба не упали на пол, но и тогда я еще долго билась в припадке, пока наконец не стихла.

– Я лишь хотела увидеть мою малышку, – плакала я, разом обессиленная под жилистым телом Итана.

Что-то большое и темное шевельнулось перед моим внутренним взором.

– Ты хотела остаться здесь, со мной, – говорил Итан, продолжая держать меня.

Его грустные голубые глаза и выдавленная улыбка не лгали. Там, на Земле меня ждала семья, я стремилась к ней, я готова была рвать зубами любого, кто встанет у меня на пути. Но здесь было что-то еще. Что-то, что скрывалось от меня за плотной завесой. Как мимолетное движение, пойманное боковым зрением, но не зафиксированное в памяти. Едва осязаемое присутствие чего-то, что хотело быть невидимым. Незаметным.

– У нас все неплохо получалось, – продолжал он говорить, пугая меня своей человечностью.

Знакомые и новые лица на борту «Деметры». Они прибыли с опережением на десять минут. Стыковка прошла

успешно.

– Твой уход за растениями, первые выращенные в космосе овощи, то, что было между нами, – Итан отпустил мои руки, решив, что я немного успокоилась. – Мы могли создать что-то новое, невероятное и прекрасное, – он горько усмехнулся, отводя взгляд.

Оба шлюза заклинило. Покинувшие «Персей» астронавты оказались в запертом пространстве, куда система обслуживания станции начала нагнетать углекислый газ. Когда их тела перестали подавать признаки жизни, я перешла на корабль и убила оставшихся в живых.

– Почему? – губы дрожали, обжигающие слезы катились по щекам. – Почему я это сделала?!

– Ты хотела защитить его.

Итан, все так же нелепо улыбаясь, положил ладонь на мой живот.

– Нам нужно дать ему хорошее имя. У тебя это получается лучше всего, Джули, – сказал он.

– Нет, – замотала я головой. – Ты не можешь быть настоящим! Ты не...

– Я никогда тебе не лгал, Джули.

– Убирайся! Оставь меня в покое!

– Джули!

Едва держась на ногах, я оттолкнула его и бросилась прочь, не думая куда бегу. Если то, что он говорил, правда, если я беременна, а я уже не доверяла ничему из того, что

творилось вокруг... Если во мне развивается плод...

Я спотыкалась на этом *если*, не в силах закончить мысль, а сердце стремилось выпрыгнуть через глотку. Итан бежал следом. Он пытался меня остановить.

Дверь мед.отсека я закрыла у него перед носом и заперла магнитным ключом, вшитым в комбинезон. Пробежалась глазами по пробиркам, что заполняли все свободное пространство стола, и креслу, установленному в центре. Итан продолжал ломиться внутрь, он стучал и что-то кричал, но звуки не проходили внутрь.

В аптечке корабля не были предусмотрены тесты на беременность, но мне достаточно было сделать анализ крови...

Гонсалес нашел меня утром двадцать пятого луна. Я всегда вставала раньше и делала все необходимые замеры на себе, а после дожидалась на прием капитана. Вторая подряд проба крови показывала невероятное. Я ждала ребенка. Гонсалес настаивал немедленно сообщить об этом в Центр, я просила дать отсрочку для более детального анализа. Он был непреклонен. Тогда в поле зрения мне попал портативный лазер, используемый для операций, как прежде использовали скальпель.

Вот почему Гонсалес выглядел так, будто его кое-как утрамбовывали. Его конечности не были сломаны, их отрезали лазером уже после того, как он умер.

Я это сделала.

Осознание прошибло меня вместе с холодным потом. Не

осознавая, что делаю, я схватила лежавший среди пробирок лазер, тот же самый, каким резала тело капитана, и забралась на кресло. Ремни позволяли зафиксировать тело в нескольких местах разом, я использовала только те, что сковывали мой живот и верхнюю часть ног, оставив руки свободными. Голосовой командой включила камеру и настроила ее так, чтобы все видеть.

Ящичек с анестетиком крепился к правому краю стула, что было удобно, как и то, что жидкость выпускалась в готовых для инъекции шприцах. Пытаясь дышать не так часто, я вколола анестетик в плечо и откинула голову на спинку.

Лоб покрылся испариной, руки дрожали. Я собиралась вырезать это из себя.

За дверью больше не раздавалось ни звука. Итан ушел. Кем бы он ни был, он сделал со мной это еще до того, как стал Итаном, странным парнем из детских воспоминаний, с которым я делилась своими страшными секретами. Непорочное зачатие? Плевать. Оно питалось моими соками, вынуждало убивать и блокировало мою память. Пусть я никогда не увижу дом, не смогу поцеловать мою Эмили, но я убью себя, если не вытащу это.

Десять секунд. Сорок. Минута... Три...

Я не могла.

Полусидела, зафиксированная на кресле, сжимая потной ладонью лазер и чувствуя, как щеки горят от слез, а больше

от злости на собственное бессилие. И не могла.

Дверь с характерным жужжанием въехала в стену. Итан ворвался внутрь с серым комком тряпья. Я не сразу поняла, что он держит один из запасных комбинезонов Гонсалеса – догадался, как открыть дверь. Вот почему Итан перестал ломиться и исчез.

Не Итан. Кто-то другой.

– Я не смогла, – выдохнула я, когда он отнял у меня лазер и расстегнул ремни.

– Никто не должен был пострадать, Джули, – говорил он, крепко прижимая меня к себе. – Твой мир так прекрасен... Ты прекрасна и эти запахи, вкус... ощущения...

– Кто ты такой? Что ты такое? – я снова вырвалась, уперевшись в спинку кресла.

Что я искала в нем? Какой-то изъясн, который объяснил, откуда он взялся на корабле и какие цели преследует? Хотела ли я слышать правду, когда та правда, что до сих пор успешно пряталась на задворках сознания, заставляла вставать волосы?

Итан качал головой.

– Я просто хотел тебе помочь, ведь ты была так одинока.

– Ты использовал меня! Я чудовище... Я убила их всех, не задумываясь... Что во мне? Что за монстра я ношу? – я не говорила, выкрикивала.

Мне никогда еще не было так страшно, как теперь.

– Это жизнь, Джули, – произнес Итан, отстранившись от

меня. – Которой ты еще можешь дать имя.

Какие-то доли секунды я пребывала в замешательстве, а потом оттолкнула его в сторону, успела схватить лазер со стола и кинуться к выходу.

– Стой, Джули!

Он схватил меня за руку, остановив на полпути. Сжал так больно, что я сама не поняла, как выбросила вперед лазер, сдвинув позицию на максимальную мощность.

Луч прошел сквозь Итана. Его лицо перекосило от боли, и сам он дернулся, недоумевающе глядя на выходящий из тела лазер. А потом на меня хлынула кровь. Много крови.

Самая настоящая человеческая кровь испачкала мой комбинезон и лицо, Итан схватился за живот и рухнул на колени, отчаянно цепляясь за меня. А я хватала воздух ртом будто рыба и смотрела, как он умирает.

Когда его тело превратилось в мириады крошечных светящихся точек и поднялось в воздух, тускнея на глазах, у меня больше не осталось ничего.

Ни сил. Ни желаний. Ни надежд.

Далекое созвездия, система Нербус и спутник огромной газообразной планеты НТ5610011 продолжали нестись в космическом пространстве, даже не подозревая о моем существовании. Я слушала «биение сердца» НТ, которое теперь ничем не отличалось от земного. Станция двигалась по его орбите, опустевшая и погруженная во тьму.

Обратный отсчет извещал о том, что до самоликвидации оставались считанные секунды.